Книгоиздательство „ИСКРА“.

Л. Денисовъ.

Трудъ и праздность.

(Евангельское рѣшеніе соціальной проблемы).

МОСКВА.

1906.

Трудъ и праздность.

(Евангельское рѣшеніе соціальной проблемы).

Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

Я. Полонскій.

Бѣдный людъ, горемычный, страдающій,
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду,—
Жди и вѣрь: Я иду! Я иду!..
Жди, иду Я на помощь, мой братъ!
Я иду черезъ бурю и тьму!..

Л. Пальминъ.

Трудъ есть необходимая предпосылка жизни; это — главный факторъ внѣшняго благосостоянія человѣческаго общества. Это положеніе въ принципѣ не нуждается въ доказательствахъ. Но капиталистическій строй современной жизни, не противорѣча этому принципу въ теоріи, на практикѣ извращаетъ его и даетъ какъ разъ обратное заключеніе, поскольку наибольшій процентъ естественной выгоды отъ всякаго приложенія труда получаетъ въ любомъ организованномъ предпріятіи капиталъ, а не трудъ, владѣлецъ капитала, а не обладатель живой рабочей силы.

Что вкладываетъ въ какое-либо дѣло человѣкъ

трудящійся? Свою рабочую силу,— физическую или умственную, или ту и другую въ извѣстныхъ соотношеніяхъ, сообразныхъ съ характеромъ труда.

Что получаетъ онъ отъ своего труда? Средства къ жизни, — цѣну крови и мозга, дающую ему ограниченную возможность пить и ѣсть, чтобы не умереть съ голода.

Говоря иначе, трудомъ своей головы и своихъ рукъ человѣкъ трудящійся поддерживаетъ и осуществляетъ свое право на жизнь.

Слава честному труду, — въ какой бы формѣ онъ не проявлялся, —дѣлающему человѣка *человѣкомъ*, сознательно и дѣятельно борющимся за неоцѣненное благо—жизнь!

Что вкладываетъ въ какое-либо дѣло предприниматель, хозяинъ дѣла? Капиталъ и въ рѣдкихъ случаяхъ личный трудъ, да и то обыкновенно наиболѣе чистый, пріятный и легкій.

Что получаетъ онъ за это? Такое количество прибыли (неодинаковое въ разныхъ отрасляхъ производства), котораго онъ никогда не имѣлъ бы при единоличномъ занятіи своимъ дѣломъ.

Откуда же появляется эта прибыль? Она по крупицамъ составляется изъ частей естественной при производствѣ прибыли, удерживаемыхъ при разсчетѣ изъ платы за трудъ находящихся въ дѣлѣ единицъ рабочей силы.

Это удержаніе производится одновременно двумя способами: увеличеніемъ числа рабочихъ часовъ и

уменьшеніемъ заработной платы. Подробности этихъ капиталистическихъ махинацій мы не будемъ здѣсь разсматривать.

Послѣдствіемъ такого ненормальнаго положенія является трудъ и бѣдность однихъ (рабочихъ), богатство и праздность другихъ (капиталистовъ).

Идеологи соціализма категорически выразили свое осужденіе такому порядку вещей.

Но мы не намѣреваемся здѣсь разбирать соціально-экономическія теоріи, разрѣшающія проблему наилучшаго, справедливаго устройства общественной жизни.

Наша задача нѣсколько иная.

Мы хотимъ освѣтить этотъ жизненный вопросъ съ религіозной стороны.

Посмотримъ, какъ почти 1900 лѣтъ тому назадъ рѣшало этотъ вопросъ евангеліе.

— *Трудящійся достоинъ пропитанія* (Матѳ. X, 10).

Какая ясная, прозрачная формула, не допускающая перетолкованія! Кто трудится, тотъ и ѣстъ. Кто хочетъ ѣсть, тотъ долженъ трудиться. Праздность исключается изъ жизненной обстановки. Праздному нѣтъ мѣста въ жизни.

Въ біологическомъ смыслѣ эта евангельская формула можетъ быть перафразирована въ качествѣ закона непрерывной смѣны накопленія и траты жизненной энергіи.

Въ ученіи экономистовъ эта же формула выра-

жается, какъ неотъемлемое право трудящагося на дѣйствительную (не рыночную) стоимость труда, на полную прибыль отъ него. Апостолъ Павелъ на частныхъ примѣрахъ рельефнѣе выражаетъ эту идею о правѣ трудящагося на результаты своего труда. Онъ говоритъ объ этомъ такъ:

— *Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада?* (1 Кор. IX, 7).

Въ другомъ мѣстѣ онъ ограничивается пересказомъ своими словами евангельской формулы:

— *Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь.* (2 Сол. III, 10).

Мы только что видѣли евангельское рѣшеніе великой соціальной проблемы, по существу однородное съ принципіальными взглядами того соціальнаго ученія, которое по имени своего основателя называется марксизмомъ.

Попытаемся теперь ознакомиться съ церковно-христіанскимъ взглядомъ на этотъ вопросъ.

Знаменитый отецъ церкви IV вѣка св. Іоаннъ Златоустъ признается авторитетнымъ выразителемъ ученія христіанской церкви.

Въ его время, правда, не существовало рабочаго класса, рабочаго пролетаріата въ современномъ значеніи слова.

Трудомъ для добыванія средствъ къ жизни занимались свободные ремесленники и полусвободные

жители селъ; принудительный трудъ падалъ на плечи рабовъ (военноплѣнныхъ и купленныхъ).

Но, во всякомъ случаѣ, вопросы о жизненной роли и объ автономной цѣнности труда, и о взаимномъ отношеніи труда и праздности (труда рабочаго и праздности работодателя) Златоустъ не могъ совершенно обойти хотя бы при толкованіи тѣхъ мѣстъ изъ Новаго Завѣта, гдѣ затронутъ и рѣшенъ этотъ вопросъ въ оригинальной формѣ, какъ мы видѣли, ничѣмъ не отличающейся отъ основного постулата научнаго соціализма, выработавшаго на этомъ базисѣ стройную теорію нормальнаго устройства человѣческаго общества.

Поэтому, если мы возьмемъ изъ твореній Златоуста тѣ мѣста, гдѣ онъ трактуетъ о трудѣ и праздности, мы какъ разъ будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи нужный намъ матеріалъ для оцѣнки церковно-христіанскихъ взглядовъ на занимающій насъ вопросъ.

И во время Златоуста непосильный трудъ однихъ и развращающая праздность другихъ слишкомъ рѣзко били въ глаза. Эта дикая, даже съ религіозной точки зрѣнія, аномалія и вызывала антіохійскаго проповѣдника на отпоръ, заставляла его изобличать вредъ праздности и указывать на пользу труда.

Вотъ образчикъ его квалификаціи тяжелаго положенія „одушевленныхъ машинъ“:

„Для рудокоповъ нѣтъ никакой пользы отъ такой работы и отъ самыхъ драгоцѣнностей; на-

противъ, бываетъ еще большой вредъ, потому что они подвергаются опасностямъ напрасно и подвергаются для другихъ, *не получая для себя никакого плода отъ своихъ трудовъ и изнуреній*... Рудокопа отъ его трудовъ освобождаетъ смерть" (54 бес. на ев. Матѳея, т. VII, стр. 567).

Какая мрачная иронія въ послѣдней строкѣ!

Только смерть въ силахъ избавить отъ каторжной жизни этихъ рабовъ безполезнаго для нихъ лично труда... Неутѣшительный выводъ!

Развращающее вліяніе праздности на людей, праздныхъ вслѣдствіе обезпеченности средствъ къ жизни, всегда сказывается въ ихъ пренебреженіи къ труду и къ представителямъ труда, въ ихъ склонности къ моральной распущенности.

Это необходимое слѣдствіе праздности не могло, разумѣется, не задѣвать христіанскаго моралиста, который и разражается такими обличеніями по адресу сытыхъ и праздныхъ:

„Будемъ считать безчестіемъ не работу, но праздность и бездѣлье. Одинъ только грѣхъ служитъ къ безчестью, а его обыкновенно порождаетъ праздность... Согрѣшая каждый день, мы не обращаемся и не считаемъ этого безчестіемъ, а того, чтобы жить праведными трудами, избѣгаемъ, какъ чего-то постыднаго и смѣшного. Стыдящемуся слѣдуетъ стыдиться грѣха, а ремеслами и работами надобно даже хвалиться" (1 бес. о Прискиллѣ и Акилѣ, т. III, стр. 187, 189).

Въ другомъ мѣстѣ, касаясь опять праздности, онъ рѣшительно настаиваетъ на нравственной цѣнности труда:

„Жизнь наша сопряжена съ трудами, такъ какъ безъ трудовъ мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не можетъ бездѣйствовать, а иначе легко преклоняется ко злу“ (36 бес. на ев. Іоанна, т. VIII, стр. 234).

Златоустъ несомнѣнно стоитъ на почвѣ евангелія въ признаніи права трудящагося на результатъ труда, что ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его:

„Торговецъ переноситъ много бурь, волненій, кораблекрушеній и разныхъ затрудненій, но становится богатымъ послѣ бурь, когда сложитъ товары и долго будетъ производить торговлю. Такимъ образомъ, бури прежде, а товары послѣ; моря и волны уже являются ему, когда онъ выходитъ изъ пристани, а прибыли еще не видно,—она еще пока въ надеждѣ. И однако, если бы онъ нацередъ не видѣлъ этой неявной, находящейся не въ рукахъ, а только въ надеждѣ, прибыли, то и не дотронулся бы и до видимаго. Такъ и земледѣлецъ запрягаетъ воловъ, влачитъ плугъ, проводитъ глубокую борозду, бросаетъ сѣмена, тратитъ все, что имѣетъ переноситъ и морозъ, и иней, и дождь, и много другихъ непріятностей, а послѣ этого труда ожидаетъ увидѣть богатую жатву и полное хлѣба гумно. Видишь ли, какъ и здѣсь наперед трудъ,

а потомъ награда?“ (Бес. о воскр. мертвыхъ, т. II, стр. 466).

Но Златоустъ не ограничивается признаніемъ *моральной* и *экономической* цѣнности труда; онъ признаетъ и *соціальную* цѣнность труда.

По его мнѣнію, сущность жизни состоитъ въ соревнованіи общаго труда всѣхъ на общую пользу человѣчества,—при чемъ онъ попутно дѣлаетъ энергичную вылазку противъ эгоистовъ:

„Если и въ дѣлахъ житейскихъ никто для себя одного не живетъ, но всякій—и художникъ, и воинъ, и земледѣлецъ, и купецъ — посвящаетъ себя занятіямъ для пользы и выгоды общественной, то тѣмъ болѣе должно быть это исполняемо въ дѣлахъ духовныхъ. Въ этомъ преимущественно и состоитъ жизнь; напротивъ, кто живетъ только для самого себя, а о всѣхъ прочихъ нерадитъ, тотъ лишній, тотъ не человѣкъ, а извергъ рода человѣческаго“ (77 бес. на ев. Матѳея, т. VII, стр. 783).

Такъ, въ лицѣ Златоуста, христіанская церковь въ пору своего расцвѣта разрѣшала, вполнѣ согласно съ евангеліемъ, великую соціальную проблему, отъ правильнаго и твердаго рѣшенія которой зависитъ будущая судьба человѣчества.

Но то были *слова*, хотя и прекрасныя, но плохо вліявшія на жизнь.

Пятнадцать вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ эпохи Златоуста, ни на шагъ не подвинули насъ

къ практическому осуществленію выставленнаго евангеліемъ положенія.

А между тѣмъ открытое, обоснованное съ религіозной точки зрѣнія, признаніе моральной, экономической и соціальной цѣнности труда было выставлено, въ согласіи съ евангеліемъ, той самой христіанской церковью, которая впослѣдствіи, забывъ безсмертные принципы своего Основателя, успѣла выдвинуть на верхъ горы сильныхъ міра сего, сдѣлать христіанство религіей властныхъ и богатыхъ, ради временныхъ выгодъ войти въ позорный для нея союзъ съ созданными ею же кумирами и поклониться имъ, заплативъ за свое обезпеченное положеніе государственной приживалки насущными интересами всего человѣчества и милліонами жертвъ изъ числа тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ когда-то призывалъ къ себѣ Христосъ...

Въ наше время пора отъ *словъ* перейти къ *дѣлу*, къ живому дѣлу, нужному и безусловно полезному для всего человѣчества.

Печально, если огромное дѣло переустройства человѣческаго общества на основахъ справедливой оцѣнки труда ускользнетъ отъ вліянія христіанской церкви,—говоря точнѣе, если оно совершится внѣ животворящаго вѣянія религіозно-нравственной санкціи, а исключительно по мотивамъ соціально-экономическимъ.

Но чья это будетъ вина? И на кого падетъ вся отвѣтственность?

Конечно, ни на интеллигенцію, ни на рабочій пролетаріатъ, ни на творцовъ научныхъ теорій, ни на политическія партіи...

Но люди, сохранившіе въ душѣ не потушеннымъ живой огонь религіознаго чувства, могутъ утѣшиться: это, вѣдь, евангеліе Христа много вѣковъ назадъ намѣтило тотъ основной принципъ, воплощеніе котораго до сихъ поръ составляетъ только мечту нашихъ дней.

Кто знаетъ, скоро ли осуществится она? Скоро ли настанетъ свѣтлое царство труда и любви, вѣчнаго мира и радостнаго наслажденія свободой и жизнью?

Человѣчество изстрадалось до крайности. Чаша народнаго горя переполнена до краевъ. Но гдѣ пророкъ, который предсказалъ бы конецъ его страданій? Кто рѣшится сказать, что правда, нѣкогда, по древнимъ легендамъ, улетѣвшая съ земли на небо, сегодня или завтра вернется на землю?..

Напрасно будемъ ждать отвѣта! Никто и ничто не поможетъ людямъ, если они сами не возьмутся за свое дѣло, если въ общее дѣло, ведущее ко благу всѣхъ, они не вложатъ души и сердца: тогда на помощь къ нимъ придетъ Христосъ... Слышите Его вѣщія слова, неотразимыя и грозныя, какъ призывной шумъ бури, несущейся къ намъ изъ дали вѣковъ!

Слушайте и запоминайте:

— *Горе вамъ, богатые! Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ!* (Лук. VI, 24—25).

9 марта 1906 г.